

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция «“Народная лингвистика”: взгляд носителей языка на язык»

19–21 ноября 2012 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая международная конференция по народной лингвистике, организованная совместно Институтом лингвистических исследований РАН и Европейским университетом в Санкт-Петербурге в рамках программы Научно-образовательного центра «Языковые ареалы России». Приветствуя аудиторию перед докладами, многие участники назвали конференцию «актуальной». Многочисленность и представительность состава участников, обширная география приехавших издалека исследователей вместе с разнообразием тематики представленных докладов сделали конференцию событием научной жизни лингвистов.

Интернет как свободная площадка для выражения массового народного мнения по всем вопросам, включая лингвистические, этот новейший коммуникативный канал и арена социолингвистических событий, не мог быть обойден вниманием профессиональных лингвистов. Популярность языковых материй как предмета дебатов в Интернете дает возможность познакомиться не только с готовыми наивными взглядами на язык, но и наблюдать процесс их формирования в разных формах деятельности лингвистов-любителей. Приведа целый список сюжетов, которые вызвали бурное обсуждение в печати, на радио, но более всего в Интернете, приглашенный докладчик конференции, директор Института лингвистики РГГУ М.А. Кронгауз, в своей лекции о лингвистических конфликтах Нового времени нарисовал впечатляющую картину народной активности по самым разным лингвистическим поводам: орфографической реформе 2000-х гг., скандальной истории с четырьмя словарями (издательства АСТ), нормализовавшими *кофе* в среднем роде, *йогурт* с ударением на конце, *брачащихся* вместо *брачующихся* и т. д., проблемам с буквой Ё, лингво-идеологической оппозицией грамотность/анти-

грамотность/неграмотность и «национал-лингвистов Москвы» (группа Граммар наци/ Grammar-nazi), перешедших от слов к действиям против неграмотных. Партийный документ под названием «Манифест антиграмматности» выпустили, естественно, олбанцы, носители языка падонкафф, борцы против спелчекеров и засилья установки на грамотность. К «нацикам» примыкают любители лингвистического троллинга, нацеленные на разрушение всякой коммуникации. Термины для лингво-группировок заимствованные, но страсти явно наши, незаемные. Предметы любительской критики, по наблюдениям М.А. Кронгауза, чаще всего тривиальные: орфографические ошибки, официальные (ре)нормативные нововведения (как ср. р. *кофе* и *йогурт*), просторечная орфоэпия и т. п. Спор сводится к двум-трем языковым единицам, но характеризуется неожиданно агрессивной манерой спорить, которая приводит скорее к заострению конфликта, чем к его разрешению. Читая в Интернете о новостях, касающихся лингвистических вопросов, приходишь к мысли о том, что языковые сюжеты – это повод для вывода в публичное пространство каких-то витальных социально-идеологических отношений, а не разрешение проблем грамотности, которыми вроде бы занимаются народные языковые активисты. Для проблем существует просвещение, которое предоставляют профессиональные сайты (www.gramota.ru, www.grammar.ru) и некоторые любительские сайты (www.tak-zhe.ru, www.tsya.ru), а деятельность антиграмматистов, хотя сами олбанцы люди грамотные и их антиорфография всего лишь языковая игра, служит индульгенцией для элементарно неграмотных и в перспективе работает на понижение массовой грамотности.

Продолжая линию анализа народных мнений о языке, Е.Н. Геккина (Санкт-Петербург) в выступлении «Речевые ошибки как фокусы языковой рефлексии» составила тщательную типологию объектов любительской критики: лексических и грамматических языковых единиц, орфоэпических и орфографи-

ческих отклонений от нормы; модусы критики (рациональный или эмоциональный) и содержательные типы аргументации в критических репликах; установила источники авторитетного мнения для любителей – словари с грамматиками или собственный опыт. В финале автор представила обобщенные портреты народных лингвистов: защитников правильной речи и защитников права не соблюдать требования грамотной речи.

Тема, с которой началась современная фольклористика, – **народная диалектология**. Несколько исследований из этой области было представлено на конференции. Взгляд жителей адыгейского аула Уляп на свой язык и, по необходимости, на соседские языки в условиях чрезвычайной пестроты языковой ситуации стал предметом исследования в двух докладах: А.А. Сомина (Москва) «Диалектная чересполосица» и наивная диалектология (на материале говора аула Уляп Республики Адыгея)» и Г.А. Мороза (Москва) «Адыгский, адыгейский, бесленеевский, уляпский: представления носителей уляпского говора о своем языке». Аул Уляп окружен аулами, в которых говорят на идиомах, отличных от уляпского. Кроме того, в самом Уляпе многие родственники и соседи говорят на разных диалектах. Жители аула Уляп, говорящие на бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка, по сведениям А.А. Сомина, считают свой идиом «единственным в своем роде» в Адыгее, причем называют его «языком». Его лингвистические особенности, считают уляпцы, известны не только им самим, но и носителям других адыгских идиомов. Между тем носители адыгейских диалектов уляпцев не понимают, поэтому для общения с ними уляпцы переходят на их диалект, хотя и не могут назвать исследователю, что именно они изменяют в своем языке при таком переключении кодов. Знание адыгейских диалектов уляпцы приписывают школьному обучению (литературному языку), а их привычку к переключению на язык собеседника можно рассматривать как факт жизни в районе «диалектной чересполосицы». В репертуар осознаваемых уляпцами языковых признаков, различающих идиомы, попадает, прежде всего, по данным А.А. Сомина, лексика: информанты приводят варианты самых частотных слов из нескольких диалектов. Следующий уровень – фонетический, где кабардинский язык характеризуется как более мягкий по сравнению с уляпским. В этой области часты расхождения в оценках, причем социального характера: «у нас так только дети говорят», а также практики передразнивания и насмешек. Грамматика – наименее осязаемый маркер

диалектных различий. Автор расценивает ситуации повторяющихся контактов говорящих с разной диалектной базой как механизм, повышающий их чувствительность к языковым деталям.

По данным Г.А. Мороза, носители уляпского говора (который также называется ими бесленеевским) используют термин «адыгабзэ» для обозначения языка всех адыгов и литературного адыгейского языка (на основе темиргоевского диалекта). Помимо этого понятия они проводят различие между темиргоевским, абадзехским, шапсугским и бжедугским диалектами, а кабардинский язык делят на «нальчинский» и «наш» (несколько аулов в Адыгее). Бесленеевский говор часть уляпцев (в отличие от наблюдений А.А. Сомина обо «всех» уляпцах) склонны считать самостоятельным идиомом, промежуточным между адыгейским и кабардинским языками, причем ближе к кабардинскому. Другая часть уляпцев считает, что они говорят на адыгейском с чертами кабардинского. Как мы видим, данные по языковой / диалектной принадлежности уляпского частично расходятся у московских исследователей. Как выявленные ими народные диалектологии соотносятся с официальной диалектной картиной, вопрос отдельный. Явно просматриваемые в диалектологии уляпцев смешанные черты их идиома Г.А. Мороз объясняет особенностями речевого поведения женщин предыдущих поколений: выходя замуж в Уляп, они сохраняли свой диалект, частично передавая его детям и тем привнося заимствования из своих идиомов в уляпский.

Привлекает внимание объемное исследование О.А. Казакевич (Москва) «Обыденные представления селькупов, кетов и эвенков о языке и языках (опыт полевой работы)». Автор представила результаты социолингвистических обследований 43 поселков на территориях Ямало-Ненецкого АО, Таймырского, Эвенкийского, Туруханского и Енисейского районов Красноярского края, а также районов Томской области за последние полтора десятка лет. Обыденные представления селькупов, кетов и западных эвенков автор суммировала по многим параметрам: 1) диалектное членение своих этнических языков («все полноценные носители признают наличие локальных вариантов»), причем свой язык оценивают как правильный, чистый, а чужой как неправильный, нечистый; 2) оценка сложности языков совпала у лингвистов и непрофессионалов; 3) одобрение многоязычия, которое считается способствующим умственному развитию ребенка, хотя в отношении русского действует установка на один язык, что означает исключение своего этнического языка. Родители,

таким образом, становятся переломным поколением именно по этой логике поведения. Говорящие отдают себе отчет в переключении кодов, а большое количество переключений называют «смешанным языком». Эти народы считают язык обязательной составляющей самоидентификации: «раз я селькуп/кет/эвенк, то мой родной язык – селькупский/кетский/эвенкийский». В ситуации сдвига говорящие ценят этнический язык за тайную функцию, а школьное преподавание критикуют за то, что преподается не местный идиом, а «язык учебника».

Еще более специальной общностью народных лингвистов оказываются искушенные литераторы, прибегающие к использованию грамматического термина «плюсквамперфект» для создания вольных метафорических построений в самых разных временах: Д.В. С и ч и н а в а (Москва) «Это уже плюсквамперфект: лингвистический термин как образ публицистики и эссеистики».

Сказать, что рядовой носитель языка имеет свой взгляд на язык и чувства по отношению к нему, мало: рядовой носитель языка может задаться целью создать язык и преуспеть в этом! В.В. Баранова (Санкт-Петербург) рассказала о кацком языке, удачном проекте, у которого есть автор, С.М. Темняткин, создавший кацкий язык (словарь и грамматическое описание выложены в Интернете), кацкую идентичность и этнографию, территорию расселения «Кацкий стан», музей кацкарей и газету «Кацкая летопись». Это не все: он создал гимн с большой идеологической нагрузкой и научную дисциплину «кацковедение», преподаваемую в детском саду и в школе. Проект обрел все основные признаки настоящего языка и социальные аспекты его присутствия в публичной жизни. Немного неясно, правда, какой жизненный смысл это имеет для жителей с. Мартыновка. В.В. Баранова изучает деятельность С.М. Темняткина как образец реализации народных представлений о языке, но ее герой явно не только народный лингвист: он эффективный языковой политик. Гораздо скромнее, но тоже интересно выглядит практика составления любительских словарей, о которой рассказала Е.Д. Казакова (Екатеринбург) в докладе «Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект».

На вопросе о механизмах народной этимологии специально остановился приглашенный лектор конференции, известный японист и специалист по проблемам общей и социальной лингвистики В.М. Алпатов (Москва). Он показал на разном языковом материале (европ. *taverna* – япон. *taberuna*; *этрыски* и *русские*,

руссы; Мартин Лютер и *лютый*) сходство аргументации народных этимологов в объяснении неизвестного через известное (связь звука и смысла в родном языке) и приравнивание неизвестных слов к известным на основе фонетического сходства. При этом фонетическое сходство может быть вполне приблизительным, а фантазия народного лингвиста в семантизации неизвестного слова вполне свободной. Еще одним признаком наивного сознания является представление о языке как неизменном предмете, равном сегодняшнему языку носителя. Но на наивную исследовательскую стезю может ступить и профессионал высокого ранга. Именно это произошло, по словам В.М. Алпатова, с Н.Я. Марром, который создал много ненаучных этимологий на основе исключительно звукового сходства и посеял сомнения в среде историков, назвав смердов «иборо-шумерской прослойкой русских». Отмечая активизацию народной лингвистики этого толка в последнее время, автор предупредил об опасности распространения антинаучного мышления, особенно в той его части, которая спекулирует квазинаучной аргументацией особой древности языка с целью повышения престижа народа, говорящего на нем. Владимир Михайлович подчеркнул, что наивное сознание – естественный продукт, воспроизводящийся в поколениях, поэтому владение несколькими языками и даже некоторое образование его не отменяют. Впрочем, профессионалы в разных культурах различаются степенью терпимости и, можно сказать, уважения к любительской лингвистике: так, японский научный журнал публикует псевдоэтимологический опус любителя (см. европ. *taverna* – япон. *taberuna*), что вряд ли возможно в современной России.

Но есть любители и *любители*. Профессионалы относятся в высшей степени уважительно к тем народным лингвистам, которые сочетают в своей работе языковое чутье наивного носителя с профессиональной лингвистической грамотностью, давшей им с большим трудом. Об одном таком человеке рассказал В.С. Кулешов (Санкт-Петербург) в сообщении «Из нивхской “народной” лексикографии и этнографии. Екатерина Кулькиновна Ланина – нивхский народный лексикограф и этнограф».

Если ложные этимологии – пример ненаучной лингвистики, то выявление отношения носителей языка к своему и другим языкам – разработанная область вполне научной народной лингвистики. Этот раздел с его проблематикой и мощным методическим аппаратом унаследован новой наукой от социолингвистики, но элемент новизны в рамках народной

лингвистики чувствуется во внимании ко всем говорящим, начиная от частной речевой общности до масштаба всей страны, как к активному фактору языковой ситуации.

С. Либейрт (Бельгия) представила языковую ситуацию во Фландрии, территории Бельгии, говорящей по-фламандски. Уже много лет там существует *tussentaal*, смешанный (промежуточный) вариант языка между фламандским диалектом и стандартным голландским языком, который ранее использовался носителями диалекта в ситуациях, требующих стандартного языка. С недавних пор *tussentaal* «пошел в ход»: его стали использовать как в «сельских» ситуациях, так и в официальных. Видимо, отношение фламандцев к этому языковому варианту переменялось в сторону повышения его престижности. Автор доклада проводила проверку этого предположения в терминах фонетики (слышит ли рядовой носитель фонетические детали), статуса языка (осознает ли *tussentaal* как самостоятельный идиом) и отношения к нему (как оценивает его). Результаты данного этапа исследования, однако, получились неоднозначные.

Еще одна современная европейская языковая ситуация представлена в докладе Х. Фавро (Франция) «Языковые оценки говорящих: генераторы или отражение социолингвистических перемен? Французский язык». Автором сделана попытка определить функции отношения к языку путем исследования вопроса о том, какую роль в современном народном дискурсе о языке занимают нормативные соображения. Как известно, носители языка судят свой идиом, отталкиваясь от нормативного варианта, играющего роль идеального языка. (Отметим, что такая постановка вопроса характерна именно для Франции, с ее жесткой языковой политикой легитимизации только стандартного языка.) Но в последнее время популярность и сила стандартной идеологии, веками царившая в мире франкофонов, ослабевает, и автор рассчитывает проследить изменения в межличностных отношениях и социальных структурах общества через изменение отношения к стандартному языку в возрастных, гендерных, сельских / городских и других социальных стратах. Кстати, Фавро вносит новый штрих в оценку роли стандартного языка в обществе, которую любой учебник характеризует только как объединяющую, когда указывает на сильную ноту разъединения общества по этому признаку.

Интересный сдвиг в отношении к своему языку описала А.А. Лопухина (Москва) в докладе «Изменение отношения носителей диалекта к своей речи (на примере одного диалекта Архангельской области)». Ей удалось захватить самое начало процесса повышения

оценки своего идиома носителями за счет разговоров последнего времени об этнической группе поморов, которые всколыхнули, по мнению автора, потребность жителей этого района в самоидентификации. Автор сравнила сведения об оценке своего языка жителями с. Тавреньга сто лет назад с результатами опросов 2012 г., когда – на фоне давно устоявшейся негативной оценки своего диалекта по сравнению с литературным языком – возникает положительная оценка своего диалекта: «говор чистой только у нас; здесь говорят по-русски». Наличие идентичности очевидным образом повышает статус языка. Вторая (обычная) линия сравнения своего языка с другими диалектами подтверждает ожидаемую реакцию, т. е. оказывается не в пользу других идиомов.

А. Дебозорги (Иран), в докладе «Социополитические факторы предпочтения британского английского американскому: ситуация в Иране» распространил материал исследования языковых оценок, обычно выполняемых на материале разных идиомов одного национального языка или соседствующих языков, на иностранный язык, а именно, американский и британский варианты английского языка. Автор занимается выяснением отношения к ним жителей четырех крупных городов Ирана. В Иране популярнее американский английский, и автор разъясняет, почему: сложившиеся военные, финансовые и культурные отношения указывают на значимость США, т. е. социально-политического фона для формирования отношения к языку. Но как, собственно, этот фактор влияет на эстетическое впечатление от звучания языкового варианта, насколько иранцы различают лингвистические признаки двух видов английского, автору еще предстоит выяснить.

Экспериментальная работа А. Приходкина (Швейцария) «Скажи мне, как тебя зовут, и я скажу, есть ли у тебя акцент в речи», выясняющая влияние фактора этнической принадлежности говорящих на восприятие и оценку их речи, обнаруживает «чувствительность» слухового восприятия речи к социальным установкам слушающих. В его эксперименте 150 швейцарцам, поделенным на две группы, предложили оценить несколько примеров идеальной стандартной французской речи с точки зрения пригодности диктора на должность менеджера по коммуникациям в швейцарском банке. Обе группы слушали одну и ту же группу дикторов (девушек с родным французским языком и магистерской степенью по французскому), но в инструкции слушателям сообщались разные имена дикторов, по звучанию похожие на швейцарские, арабские или африканские. Два последних типа харак-

терны для иммигрантов. Речь «иммигрантов» слушатели оценили хуже, чем речь «соотечественников». «Арабам» приписали заранее известный стереотипный акцент. Тот факт, что в основе отношения к языку лежит оценка социальной группы, говорящей на нем, известен в науке, но столь откровенная социальная заданность оценок среди, предположительно, толерантных швейцарцев шокирует. Значимость своего результата А. Приходкин суммировал так: «Эта тенденция находится в противоречии с решимостью правительства гарантировать абсолютно одинаковые права всем гражданам страны, независимо от их этнокультурной принадлежности».

Сложности многоязычной ситуации показаны Р. М и т ч е л (Великобритания) в докладе «Мало быть англофоном: язык, гражданство и членство в группе в Камеруне». Автор провела многокомпонентный социолингвистический опрос в Камеруне, полиэтнической и полиязычной африканской стране с 280-ю языками, с целью выяснения роли родного малого и иных языков для самоидентификации камерунцев. Четыре предложенные ею позиции распределения возможных этно-лингвоидентичностей информанта выявили следующую иерархию: информант прежде всего африканец, затем камерунец, затем член своей этнической группы/клана (со своим языком) и, наконец, англофон или франкофон. Четвертая часть информантов назвала французский или английский «камерунским» языком. Многие сочли билингвальность характерным признаком камерунской национальной идентичности. При этом отмечена тенденция к снижению активного воспитания камерунцами детей на своем малом языке.

В Уганде, как выяснила Й. Б е к к е р (Германия) в работе «Отношение к языку в Уганде: народная лингвистика как инструмент доступа к речевому поведению носителей», тоже не закончено определение национального языка, а ведь прошло много лет со времени получения страной независимости! Профессиональные политики не смогли сойтись на одном языке-кандидате, хотя их разные точки зрения можно считать вполне логичными. Тема отношения к языку – предмет накала страстей в Уганде, а разрыв между народными представлениями о языках – «язык горя», «язык воров», «язык презрения» – и профессиональной их квалификацией мало способствует разрешению проблемы. Но понимать отношение простых людей к этому вопросу важно для понимания ситуации в целом.

Судя по тому, как описывает языковую ситуацию В. С е р р е л и (Египет) «О роли отношения к языку для сохранения малых языков.

Описание ситуации в оазисе Сива (Египет)», простая, но стабильная система функционального распределения языков и определенность их связи с идентичностью хорошо работает на сохранение малых языков. Речь идет о небольшом языке берберского анклава Сива в Египте. Существующие в окружении арабского языка, жители анклава продолжают пользоваться языком сиви, которому матери обучают детей с самого детства, позднее добавляя язык амийя (для связи с внешним миром) и арабский, изучаемый в школе. Методики анкетирования, интервью и включенного наблюдения, которые автор применил в этом исследовании, говорят о четком разведении функций сиви как родного языка и символа самоидентификации от амийя как удобного средства общения и не более и от необходимого для карьеры и удовлетворительной социальной жизни арабского.

Языковые оценки – принципиально иной материал, чем представления о языке, зачастую «готовые», стереотипные. Языковые оценки – это спонтанные реакции носителя на слуховой стимул. В последнее время признанный социолингвистический метод парных масок подвергается критике за стереотипность и «неспонтанность» получаемых данных. Предполагается, что при опросе информанты включают механизм отбора общественно одобряемых оценок, в то время как их собственное речевое поведение им не соответствует. Проблема столь существенна, что на международном конгрессе лингвистов в июле 2013 г. в Женеве планируется секция под руководством Д. Престона, посвященная анализу зависимости результатов опроса от формы запроса (International congress of linguists, 21–27 July, 2013, Geneva. Workshop: Socio-cognitive aspects of language attitude variation).

Поиску подходящей формы запроса посвящен доклад «Данные языковых оценок русского словесного ударения: народная лингвистика и проблема спонтанности» (В.Б. Гулида, Санкт-Петербург), в котором предлагается новый для социолингвистики, но известный в психолингвистике метод ассоциативного эксперимента (АЭ), чья процедура запроса обеспечивает наиболее прямую адресацию к спонтанным реакциям информантов. Условие моментальности реакции на слышимый стимул снимает этап контролирования говорящим своего ответа, а отсутствие списка заданных терминов (ярлыков) для выбора, способствующее разнообразию форм реагирования, «приоткрывает» информацию об источниках языковых оценок, не сводимых к шкалам социального статуса и солидарности, заложенным в методе скрытых масок. Анализ ответов,

полученных в АЭ, указывает на качественно различные источники языковых оценок: индивидуальный опыт и формальное знание, социальные типажии своей локальной общности и идеологические концепты. Остро маркированные временные (т. е. идущие на смену или уходящие) варианты языковых единиц позволяют извлечь разнообразную информацию об изменениях социума через изменение отношения носителей к языку.

К исследованию языковых оценок можно отнести и фоносемантический сюжет, которым занимается М. Уиллет (Великобритания). В докладе «Фонестема /gl/: насколько англоговорящие осознают ее связь со значением “свет”» автор рассказал об исследованиях силы ассоциации звука и смысла в языковом сознании носителя. В частности, его интересовала степень вычленимости /gl/, сегмента слова как самостоятельной единицы благодаря его семантике. В результате выяснилось, однако, что носители привязывают смысл к слову целиком, не к его части.

И еще один сюжет в области отношения к языку, а именно, отношения к смешению кодов в двух речевых общностях Нью-Йорка, русской и испанской: Е. Давидяк (США) «Восприятие и продукция переключения кодов билингвами». Ее доклад – иллюстрация лабовского положения об асимметрии продукции и рецепции речи, проявляющаяся в ситуациях, когда оценки чужой речи и собственное говорение человека расходятся, и он порождает такую речь, которую критикует у других. Нормально относящиеся к смешению английского с испанским испанцы и неодобрительно относящиеся к русско-английскому смешению этнические русские широко используют смешение в своей речи, хотя у русских его несколько меньше по количеству, чем у испанцев. Как справедливо замечает автор, дело здесь не столько в разнице схемы пользования языком, сколько в принятости этой практики в речевом сообществе: в отличие от русскоязычных испаноговорящие пользуются таким форматом общения уже не в первом поколении.

Идея словаря-тезауруса бытовой терминологии русского языка, которую представил на конференции Б.Л. Иомдин (Москва) в выступлении «Наивные представления о значениях слов», выглядит как начальный шаг принципиально новой стратегии создания словарей с учетом языковой компетенции массового носителя языка. Можно назвать это направление фольклористики **наивной лексикографией**. Материал такого типа обещает быть более объективным, чем индивидуальная компетенция профессионального составителя

словаря, значительную часть которой неизбежно составляют традиционные толкования. Авторы отталкивались от обнаруженного ими факта несовпадения значений простейших бытовых слов (терминов) в словарях и в опыте носителей. Методики запрашивания значений, выяснение их иерархии, выявление признаков слова, «наводящих» на опознание референта, показанные в докладе Б.Л. Иомдина, разнообразны и временами неожиданны, как, например, в случае со «шляпой» (модной языковой игрой в качестве методики), но они убеждают.

К этой же области относится анализ расхождений между профессиональным и наивным толкованием слов-концептов *любовь, верность, дружба, свобода*, представленный в докладе Н.Г. Брагиной (Москва) «Наивные толкования концептуальных слов». Учитывая неизбежный индивидуальный опыт, на который накладываются исследуемые понятия в речевом опыте говорящих, логично выглядят и разнообразные стратегии означивания понятий, и использование метафоричности, и в целом вариативность «наивного» материала, подчеркиваемая автором.

В выступлении Е.В. Колосько (Санкт-Петербург) «Смысловые примитивы в толкованиях идиоматических выражений» рассматривался языковой репертуар наивного носителя в поисках лексически простой и функционально четкой формы для передачи смысла частотных фразеологизмов. Это нужно иностранцам, изучающим русский язык. Речь идет о таких сочетаниях, как *а ну-ка; фу ты, ну ты; а ну тебя; где ему (ей, мне) ...!*, и т. д. Их словарные определения (если они есть) бесполезны для иностранцев из-за их лексической сложности, а «смысловые примитивы», предлагаемые автором: *а ну-ка = давай, сделай это сейчас; да ну тебя = мне надоело. Я не хочу больше говорить об этом* – лексически просты и понятны, поскольку указывают на речевое действие, связанное с данным выражением.

В выступлении «О народной этимологии и количественных сочетаниях прилагательного в русском языке» И.А. Шаронов (Москва) описал процесс языкового изменения, по типу относящийся к аналогическому упрощению структуры. Носитель языка участвует в этом процессе, совершая выбор между традиционным или новым вариантом социопеременной всякий раз, когда ему нужно использовать какую-либо социопеременную. Естественно, возникает вопрос о мотивации выбора. Для данной ситуации ответственной за предпочтение инновационной структуры автор предлагает считать народную этимологизацию. Именно этот аспект проблемы связывает описываемый

структурный процесс с народной лингвистикой.

Интерес к сопоставлению наивного и профессионального описания языковой структуры распространяется и на область фонетики. В докладе «Наивный взгляд на супрасегментные характеристики» Е.В. Перехвальская (Санкт-Петербург) рассказала о языке мона, из южной семьи языков манде, нигер-конго. Это тональный язык, в котором смысл звучащей фразы определяется сложным переплетением восьми (трех ровных и пяти со звуковысотным движением) лексических, грамматических и контекстных тонов. Люди мона прекрасно осознают тоновую природу своего языка и значимость тональных различий. У них есть термин для понятия «тон» (*wele, голос*), они фиксируют тональную ошибку словами «you do not have a right voice», но начальную форму слова с тоном они, как правило, вычленить не могут, поскольку звучащей реальностью для них является мелодия фразы, а не отдельные слова. Этот факт, по мнению автора, указывает на то, что слова в мона и других языках манде менее самостоятельны, чем в европейских языках. Слова со своими тонами входят во фразу, адаптируясь к целому. Мелодия фразы легко вычленяется, более того, мона ее насвистывают отдельно в качестве приема обучения. Впоследствии обозначение тона каждого элемента фразы при помощи букв французского алфавита, известного им из школьного обучения, позволит создавать осмысленные печатные тексты. Второй представленный язык – удэгейский, характеризующийся высотным ударением (разновидностью тональной системы). Говорящие на удэгейском тоже осознают значимость этой просодии, называя ее русским словом «ударение», взятым из известного им русского языка. (Отметим, что мона не имеют подходящего термина во французском.) Четыре вида гласных (краткие, долгие, долгие глоттализированные и долгие придыхательные) рассматриваются ими как гласные со своим видом ударения: ошибки в гласных у молодых или изучающих язык удэгейцы называют «неправильным ударением». Автор обращает особое внимание на тот факт, что неспособность молодого поколения (до 60 лет) овладеть тональным аспектом языковой структуры указывает на значительную степень языкового сдвига.

Н.В. Кузнецова (Санкт-Петербург) в докладе «Редукция гласных в нижнелужском диалекте ижорского языка: научное и “народное” восприятие» сопоставила фонетическое описание структурно-фонологических последствий редукции гласных в неначальной позиции в слове в ижорском языке с фиксацией этого процесса на письме носителями языка.

Предположительно, то, как слышат и записывают слышимое знатоки языка, должно отразить фонологическую значимость редукции. Оказалось, что, при совпадении тенденции для гласных в целом, есть некоторые отличия, указывающие на «ножницы» в профессиональном (фонетическом) и наивном (фонологическом) осмыслении этого раздела языка.

Голландская исследовательница С. Оде в выступлении «Почему нет согласия в вопросах орфографии юкагирского» рассмотрела трудности в орфографии, которые испытывают учителя, дети, изучающие юкагирский язык, лингвисты и все интересующиеся языком. А язык уже введен с 1990 г. в детском саду, начальной и средней школе села Андриюшкино, а также в воскресной школе в Черском. Дело в том, что написание слов разнится от текста к тексту (т. е. от носителя к носителю), что сильно затрудняет пользование юкагирско-русским словарем, не говоря уже об ощущении неразберихи, никак не способствующей овладению языком. За орфографической неупорядоченностью стоит проблема адекватного описания современной системы гласных в юкагирском: причиной орфографических разногласий могут быть как диалектные отличия или сдвиги в системе гласных, так и влияние русского и/или соседних малых языков, не говоря уже о вероятности ошибок восприятия индивидуального характера. С. Оде предложила сделать первый шаг к облегчению положения: в каждом тексте составить список отклонений от орфографии Г.Н. Курилова, автора юкагирско-русского словаря и юкагирской грамматики, с тем, чтобы можно было пользоваться этими источниками.

В последний день выступали **полевые лингвисты**, посвятившие слушателей в сложности своих отношений с **информантами**.

Современный городской пользователь Интернета лишь относительно наивен: что-нибудь из школьного курса о языке он да помнит, слово *Википедия* знает, даже зайти на образовательный сайт по русскому языку может. Д.Ф. Мищенко (Санкт-Петербург) с докладом «Профессия: информант» имеет дело с истинно наивным носителем неизвестного науке языка в далекой стране. В начале совместной работы от наивного носителя, впоследствии «информанта», ожидается владение процедурой передачи своей языковой компетенции лингвисту. При налаженной процедуре работа становится эффективной. Но по мере набирания опыта языковое сознание информанта перестраивается: он осознает категории своего языка, начинает пользоваться терминами, полученными от лингвиста, становится способным к произвольным лингвистическим построениям. Лингвист

же вплотную подходит к границе наивного в языковом сознании информанта и к проблеме надежности получаемого от него языкового материала. Об изменениях лингвист судит по лингвистическому и бытовому поведению информанта, вплоть до некоторой «деформации» его личности. Исследователь сталкивается со сложными случаями «реальных и мнимых» лингвистических «прозрений» информанта и должен вынести решение о допустимых пределах использования метода интроспекции. Фактически оба участника процесса меняют свои позиции в ходе сотрудничества. Со второй половины XX в. этическая установка исследователя на равенство и уважение в межличностных отношениях с информантом становится обязательным условием их лингвистического взаимодействия.

Изучая небольшую изолированную общину Муйлаке, говорящую на языке аймара, в удаленном районе Перуанских гор, М. Коулер (Нидерланды) в докладе «От имплицитного знания к количественным данным: метод сотрудничества в документации языка и культуры малоизвестных языков» предложил исследовательскую процедуру, которую можно назвать «массированным сотрудничеством» с информантами. Этот метод побуждал носителей языка к активному участию в транскрибировании, переводе и документировании материалов сказок и мифов, которые лингвист собирал от них. Участие носителей, по признанию автора, стоило больших затрат и создавало дополнительные сложности во взаимодействии, и это сказалось на грамматическом описании языка. Макрозадачей исследования являлось извлечение количественных данных из «молчаливого» знания информантов.

Замечательно оптимистическое сообщение пришло от полевых лингвистов М.З. Муслимова и Д.В. Сидоркевич (Санкт-Петербург), задавшихся суровым вопросом: «Миноритарные прибалтийско-финские идиомы: есть ли жизнь после языковой смерти?» и ответивших на него бодрим: «Да, немножко есть». Дело в том, что исследователи прибалтийско-финских языков имеют дело с языками на грани или за гранью языковой смерти. Это означает, что компетентных информантов нет, но остаются люди с ограниченным знанием языка, воспринятого в детстве и задержавшегося в памяти пожилого человека. Какого рода лингвистическая информация доступна исследователю в таком случае? Как показывает сравнение хэвасского диалекта ижорского языка, описанного Лаанестом в 1960–1980-х гг. еще в действующем состоянии, с данными авторов 2002 г., из некоторых слов и выражений, оставшихся в памяти слабокомпетентных носителей, можно извлечь нетри-

виальную информацию диалектологического, лексического и даже морфонологического свойства. Авторы доклада проследили это явление на материале записей остаточной компетенции жителей четырех ингерманландских сел, которых судьба разнесла в самые разные уголки бывшего Союза, от Ленинградской области до Омска и Красноярского края.

Сложность суммы впечатлений от разнообразия и качественных отличий тем и аспектов жизни языка (см. выделенные шрифтом ключевые слова в тексте), по которым мнение носителей языка, судя по докладам, представляет ценность для лингвистики, точно суммировал в названии лекции «Какое место в ряду наук о языке занимает народная лингвистика?» приглашенный докладчик конференции (и по совместительству председатель оргкомитета) Е.В. Головки (Санкт-Петербург). Если принять в расчет то несомненное обстоятельство, что язык представляет собой одну из культурных практик, исследователь, точно так же, как это делается в случае изучения любой другой культурной практики (свадьба, похороны, родильный обряд, приготовление пищи и т. д.), вправе поинтересоваться точкой зрения информанта и на язык, на то, что, как и в каких случаях, по мнению информанта, говорится самим информантом и его партнерами по коммуникации. Разумеется, получив такой комментарий, исследователь не обязан принимать полученную информацию за чистую монету, скатываться в постмодернизм, уверяя, что это еще одна, альтернативная, «народная наука». Напротив, оставаясь в рамках вполне традиционной науки, надо постараться ответить на вопрос, какие социальные и культурные факторы побуждают информанта рассуждать о языке именно так, а не иначе. В докладе было подчеркнуто, что выяснение того, что информанты думают о языке, – это всего лишь хорошо известный «эмный» подход (противопоставленный «этному» подходу – термины введены Кеннетом Пайком, учеником Э. Сепира), а изучение народной лингвистики полностью укладывается в одну из четырех выделенных Ф. Боасом областей антропологии, – лингвистическую антропологию: именно в извлечении культурного смысла из собранных народных представлений о языке состоит задача исследователя. В заключение докладчик обратил внимание на тот аспект народной лингвистики, которому в докладах было уделено, пожалуй, меньше всего места – проблеме возможности осознания носителями языка языковых единиц, которыми оперируют профессиональные лингвисты. Этот вопрос в свое время был поднят М. Сильверстейном. По мнению Е.В. Головки, такому осознанию (а это

является необходимой предпосылкой так называемого народного языкового планирования, т. е. внесения сознательных изменений в языковую структуру) способствуют ситуации многоязычия, когда информант владеет по крайней мере двумя языками. Такие ситуации (было приведено несколько примеров, в том числе из собственного полевого опыта) представляют собой хорошую базу для интуитивного осознания отдельных элементов языковой структуры и внесения в нее изменений. При всей ограни-

ченности числа случаев такого рода народного планирования этот материал нельзя упускать из виду.

В.Б. Гулида

Сведения об авторе:

Виктория Борисовна Гулида
Санкт-Петербургский государственный университет
v-gulida@yandex.ru